

УДК 940.5

РАЗВИТИЕ ВОЕННО-МОРСКОГО ИСКУССТВА В ХОДЕ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 гг.

© И.В. Наумов

В статье рассматриваются вопросы развития военно-морского искусства противоборствующих стран накануне и в период Русско-японской войны. В ней освещены: развитие тактики морского боя, совершенствование действий легких сил флота и использование минно-торпедного оружия, а также организация взаимодействия флота и сухопутной армии.

Ключевые слова: артиллерия, броненосец, искусство, крейсер, маневр, мина, миноносец, разведка, тактика, торпеда, флот, эскадра.

DEVELOPMENT OF THE NAVAL ART IN RUSSIAN-JAPAN WAR 1904–1905

© I.V. Naumov

Author discusses in this paper the aspects of development of the naval art of contenders before and during the Russian–Japan war in 1904–1905. There are highlighted the development of the tactics of light forces of fleet as well as the using of the mine-torpedo weapon and coordination fleet and ground forces.

Key words: artillery, armor-plated ship, art, cruiser, manoeuvre, mine, torpedo boat, scouting, tactics, torpedo, fleet, squadron.

Русско-японская война 1904–1905 гг., возникшая в результате борьбы этих стран за гегемонию в Восточной Азии, занимает особое место в истории военно-морского искусства. Среди первых войн эпохи парового флота она была наиболее крупной. Боевые действия на море велись в широких масштабах с использованием всех видов и средств морского вооружения воюющих сторон.

Русско-японская война как бы подвела итог всем военно-техническим и военно-теоретическим достижениям наступившей эпохи парового флота. В ходе ее проходили проверку новейшие технические и теоретические разработки. Она послужила отправной точкой и мощным импульсом для последующего бурного развития всех отраслей военно-морского искусства ведущими мировыми державами.

Однако уже непосредственно в ходе войны воюющие стороны интенсивно развивали все отрасли военно-морского искусства. Большой вклад в это внесли как япон-

цы, так и русские. Освещению развития военно-морского искусства в ходе Русско-японской войны и посвящена настоящая статья¹.

Военно-морское искусство накануне войны. Подготовка России и Японии к войне на море

Гонка морских вооружений между ведущими мировыми державами и связанный с нею бурный прогресс военной техники в последние десятилетия XIX в. поставили вопрос о наиболее эффективном использовании новых военно-морских сил. В это

¹ Следует отметить, что как ни странно, данная тема историками серьезно не разрабатывалась. При всем обилии публикаций о Русско-японской войне (только в России было издано более 1 тысячи наименований: это документы, мемуары, очерки, исследования по различным проблемам) пока нет ни одной работы, где бы вопросы развития военно-морского искусства непосредственно в ходе войны специально рассматривались и анализировались. Данная статья представляет собой попытку отчасти восполнить этот пробел.

время появляется ряд теорий, посвященных его решению. Наибольшее распространение среди военных моряков мира получили две из них. Это теория «*Мэхэна-Коломба*», авторами которой были адмиралы: американский А. Мэхэн и английский Ф. Коломб, и теория «*Молодой школы*», созданная во Франции. На рубеже веков между их сторонниками развернулось острое соперничество.

Теория «*Мэхэна-Коломба*» рассматривала морскую войну как самостоятельную войну флотов, отличную по своим целям и задачам от действий остальных вооруженных сил. В ее основе лежала идея о завоевании господства на море путем решающего генерального боя броненосных сил. Этот бой, по мнению авторов, должен был представлять артиллерийскую дуэль броненосцев, в которой победит сильнейший. Они предлагали усиленно развивать класс броненосцев и совершенствовать артиллерийское вооружение. При этом действия всех остальных сил флота сводились по существу лишь к обеспечению броненосных сил. Кроме того, из поля зрения авторов совершенно выпали вопросы неизбежного взаимодействия в войне морских и сухопутных сил.

Теория «*Молодой школы*», в отличие от теории «*Мэхэна-Коломба*», наоборот отрицала решающее значение в морской войне генерального боя броненосных сил. По мнению ее авторов, главную роль в морской войне должны были сыграть легкие корабли и сильные взрывчатые вещества. Особенно большое значение придавалось активным действиям крейсеров на морских коммуникациях противника. Сторонники «*Молодой школы*» полагали, что крейсерские операции способны настолько ослабить экономику противника, что он будет вынужден прекратить войну.

Как легко заметить, обе соперничавшие теории страдали известной односторонностью. Русско-японской войне и предстояло внести ясность в споры теоретиков.

Следует подчеркнуть, что обе эти теории оказали значительное влияние на развитие русского и японского военных флотов и их подготовку к войне.

Япония, будучи союзницей Англии, в военно-морских вопросах всецело находилась под влиянием теории «*Мэхэна-Коломба*», которая легла в основу подготовки к войне ее военного флота. Кроме того, военно-политическое руководство Японии, заранее, еще в 1895 г. определило противника в будущей войне². Перед японским флотом была поставлена главная стратегическая задача – уничтожить русский флот в открытом бою и завоевать господство на море, а впоследствии обеспечить десантные операции армии в Корее, Маньчжурии и на русском Дальнем Востоке. В соответствии с этим морской генеральный штаб разработал программы кораблестроения и вооружения. Было решено построить броненосный флот – броненосцы и броненосные крейсера, предназначенные для поддержки в бою броненосцев. Эти корабли оснащались сильной артиллерией³ и имели мощное бронирование, которое достигалось за счет ограничения района плавания (японцы учитывали, что театр военных действий расположен вблизи японских военно-морских баз, а это позволит организовать бесперебойное снабжение кораблей топливом и всем необходимым).

Большое значение придавалось скорости и однотипности кораблей. Так, все броненосцы имели скорость 18 узлов, а броненосные крейсера – 20–21 узел. Всего Япония построила 6 новых броненосцев и 8 броненосных крейсеров. Для поддержки броненосных сил строились легкие крейсера небольшого водоизмещения (3–4 тысячи т), но с сильным вооружением (4–8 – 152-мм орудий), а также миноносцы. К началу войны в состав японского флота входили 12 легких крейсеров.

В соответствии со стратегической задачей военного флота были определены и виды вооружений. Артиллерия как главное оружие применяла фугасные снаряды большой разрушительной силы (количество

² Это было сделано после того как Россия при содействии Франции и Германии вынудила Японию отказаться от аренды Квантунского полуострова и Порт-Артура.

³ Японские броненосцы имели по 4 305-мм орудия и по 10–12 – 152-мм, броненосные крейсера, как правило, по 4 – 203-мм орудия и по 10–12 – 152-мм.

взрывчатого вещества в них составляло 14 %). Японские адмиралы полагали, что эти снаряды при попадании в незащищенные части корабля (броню эти снаряды не пробивали) способны вывести его из строя. Поскольку особая точность при стрельбе не требовалась, наиболее приемлемой дистанцией для нее считалась дистанция в 3–4 морских мили (30–40 кабельтов, 5–7 км). Значительно меньше внимания уделялось развитию минно-торпедного оружия. Ему отводилась вспомогательная роль. Следует отметить, что накануне войны в японском флоте вопросы действия легких сил, а также взаимодействия армии и флота вообще не разрабатывались.

Перед войной японский военный флот проводил усиленную боевую подготовку: много плавал, учился маневрировать, стрелять, пользоваться радиоаппаратурой, которая была установлена на всех крупных кораблях. Флот был объединен в единое целое под названием «Соединенный флот» (командующий – вице-адмирал Того), в распоряжении которого находилось 7 оборудованных военно-морских баз. В него входило 3 эскадры, способные решать самостоятельные задачи.

Японский план морской войны также опирался на теорию «Мэхэна-Коломба». Его основу составляла идея сокрушительного молниеносного, внезапного удара по главным силам русского флота в Порт-Артуре для завоевания господства на море. При этом японцы творчески подошли к использованию теории «Мэхэна-Коломба». Помимо артиллерийского удара броненосных сил они решили применить и легкие силы (миноносцы), которым поставили задачу внезапной ночной атакой уничтожить или повредить часть русских кораблей и только после этого главные силы должны были вступить в бой с ослабленным русским флотом. Помимо удара по Порт-Артуру предусматривалось выделение части сил для уничтожения русских кораблей в портах Чемульпо (Корея) и Шанхай (Китай). В дальнейшем японский флот должен был обеспечить высадку десантов в Корею и Маньчжурию и действовать по обстановке. Таким образом, весь план морской войны сводился к кратковременной, молниенос-

ной войне и содержал элементы авантюризма, характерные для японской военной доктрины.

Значительно сложнее обстояло дело с развитием военно-морского искусства и подготовкой военного флота к войне в России. Накануне Русско-японской войны здесь отсутствовало единство взглядов на военно-морское искусство. На рубеже веков в России развернулась упорная борьба между сторонниками теории «Мэхэна-Коломба» и сторонниками теории «Молодой школы»⁴. Из-за этого правительство не могло определить, какой же именно военно-морской флот нужен России: океанский – крейсерский с большой автономностью для действий на коммуникациях противника или же броненосный для действий в прибрежных водах. В результате строились корабли всех типов, но без определенной системы.

Лишь в 1897 г. в связи с ухудшением русско-японских отношений было решено, что Япония может стать наиболее вероятным противником в будущей войне, а воды Дальнего Востока главным театром военных действий на море. В соответствии с этим правительство разработало программу строительства большого количества броненосцев и крейсеров с сильным вооружением и бронированием, но с малым радиусом действия. Основным классом корабля для русского военного флота стали считать броненосец. Однако и это решение сопровождалось спорами специалистов. Оставалось неясным, какой это должен быть броненосец? С большим радиусом действия, но недостаточным бронированием и вооружением для поддержки крейсерских операций (типа «Пересвет») или с мощной артиллерией и бронированием для эскадренного боя с броненосцами противника (типа «Цесаревич»). В результате строили броненосцы обоих типов. Аналогично обстояло дело и со строительством крейсеров. Разнотипность кораблей одного класса значительно

⁴ Наиболее известным приверженцем первой теории являлся начальник Главного морского штаба и будущий командующий 2-й Тихоокеанской эскадрой вице-адмирал З.П. Рожественский, а второй – будущий командующий Тихоокеанским флотом вице-адмирал С.О. Макаров.

понижала боеспособность русского военно-морского флота.

Также как и в японском флоте, главным оружием считалась артиллерия, а ее главным качеством – точность попадания. Поэтому наиболее оптимальной дистанцией для боя считали дистанцию – 1–1,5 морских мили (10–15 кабельтов). Русская артиллерия больших калибров была вооружена бронебойными снарядами, рассчитанными на поражение наиболее защищенных, жизненно важных частей кораблей противника (в связи с этим в русских снарядах было значительно ниже содержание взрывчатых веществ, всего около 2,5 %).

Сильное влияние сторонников «*Молодой школы*» – адмиралов С.О. Макарова, А.П. Бирилева, Г.П. Чухнина – обусловило интенсивное развитие минно-торпедного оружия по сравнению с флотами других стран, в т.ч. и Японии. Русские торпеды имели дальность действия 1 милю (10 кабельтов) и скорость 20 узлов. Поскольку считалось, что бой будет проходить на небольших дистанциях, их устанавливали на все основные типы кораблей (броненосцы, крейсера, миноносцы). В то же время, в связи с этим несколько недооценивалась роль миноносцев, и их строили в ограниченных количествах. Для постановки оборонительных минных заграждений было признано необходимым иметь специально оборудованные корабли – минные заградители (у Японии такие корабли отсутствовали).

Не было единства среди русских адмиралов и в вопросах тактики морского боя. Например, в вопросе использования броненосных крейсеров некоторые предлагали создавать из них резерв и заменять поврежденные в бою броненосцы. Наиболее полно вопросы тактики были освещены в известном труде вице-адмирала С.О. Макарова «Рассуждения по вопросам морской тактики». Морской бой автор рассматривал как борьбу разнородных военно-морских сил. Для победы в бою он считал необходимым раздельное маневрирование отрядами, охват концевых частей неприятельской колонны и использование всех видов вооружений для удара по противнику. Однако

его взгляды не стали господствующими на флоте.

Отсутствие единства в вопросах тактики напрямую сказалось на подготовке командного состава флота. При общем достаточно высоком уровне боевой выучки личного состава флота тактическая подготовка командиров кораблей, отрядов и эскадр была низкой. Русское военно-морское командование недооценивало и роль тактической разведки, а также важность организации охраны военно-морских баз от нападений с моря. Так, накануне войны русский флот не осуществлял разведку на дальних подступах к Порт-Артуру. А для организации охраны внешнего рейда, где находилась эскадра, было выделено только 2 миноносца и 2 корабля периодически освещали рейд прожекторами. Взаимодействие с береговой артиллерией не предусматривалось. Как показало начало войны, эти меры оказались недостаточными. Японцам удалось нанести внезапный торпедный удар по русским кораблям и повредить 3 из них (броненосцы «Цесаревич», «Ретвизан» и крейсер «Паллада»).

Не разрабатывались перед войной и вопросы взаимодействия армии и флота. Считалось лишь, что флот должен защищать приморский фланг армии от нападений с моря.

В результате русский военно-морской флот не имел сколько-нибудь цельной концепции войны с Японией и вследствие этого не сумел подготовиться к ней в должной мере. На Дальнем Востоке были собраны довольно разнородные военно-морские силы. Всего в тихоокеанских водах Россия имела 7 броненосцев, 4 броненосных крейсера и 7 легких крейсеров. Причем большинство из них значительно отличались друг от друга по тактико-техническим характеристикам, что затрудняло их совместное использование.

Развитие в ходе войны тактики морского боя

Во время Русско-японской войны между военными флотами воюющих стран состоялось 3 крупных морских боя. Первый из них произошел в первый день войны

9 февраля 1904 г. у Порт-Артура, главной базы русского Тихоокеанского флота.

Этот бой вскрыл серьезные недостатки в тактической подготовке обеих флотов, что в частности не позволило японцам решить поставленную задачу уничтожения русского флота. И русские, и японские моряки использовали приемы линейной тактики, заимствованные из времен парусного флота. Противники поставили все основные корабли: броненосцы, броненосные и легкие крейсера в одну длинную и громоздкую колонну, что затруднило маневрирование. Кроме того, легкие крейсера, находившиеся в конце колонн, при их расхождении попали под огонь крупнокалиберной артиллерии броненосцев противника. Управление артиллерийским огнем эскадр не было организовано. Бой проходил в основном на дистанции 3,5 морских мили (35–36 кабельтов) и показал ошибочность артиллерийской подготовки русских моряков, которые оказались неготовыми к ведению прицельного огня на такой дистанции.

После боя 9 февраля и русское, и японское военно-морское командование пришли к выводу о необходимости срочного совершенствования тактической подготовки флотов.

Изменения в тактике русских моряков были связаны с деятельностью нового командующего Тихоокеанским флотом вице-адмирала С.О. Макарова, который прибыл в Порт-Артур 8 марта 1904 г. Под его руководством штаб флота разработал новые инструкции по тактике, устранявшие недостатки русских тактических наставлений. Были составлены: «Таблица однофлажных сигналов» (взамен ранее принятой сложной 2-х флажной системы сигнализации), включавшая 17 наиболее необходимых сигналов и упрощавшая управление кораблями в бою; «Инструкция управления огнем в бою»; «Инструкция для похода и боя», определявшая обязанности кораблей и отрядов в бою и основы их маневрирования [6, с. 484]. Эта инструкция предусматривала: действия флота в бою отдельными отрядами, охват неприятельских флангов, концентрацию артиллерийского огня на концевых кораблях, постановку противника под перекрестный огонь различных отрядов

и использование в бою всех средств поражения кораблей противника.

Разработка этих инструкций внесла значительный вклад в развитие теории тактики морского боя. Идея С.О. Макарова о морском бое как борьбе разнородных военно-морских сил с использованием всех видов вооружений, а не только как артиллерийской дуэли броненосных кораблей опередила свое время.

В соответствии с принятыми инструкциями началась усиленная тактическая подготовка Тихоокеанского флота. Эскадра часто выходила в море, училась маневрировать отрядами и проводила учебные стрельбы. Одновременно С.О. Макаров решительно обновлял командный состав, назначая на наиболее ответственные должности способных офицеров (так, контр-адмирал К.П. Иессен возглавил Владивостокский отряд крейсеров, капитан 1-го ранга И.К. Григорович стал командиром Порт-Артурской военно-морской базы, а капитаны 2-го ранга Васильев и Н.О. Эссен стали командирами броненосцев).

Тактическая подготовка русского флота продолжалась до гибели 13 апреля 1904 г. вице-адмирала С.О. Макарова на броненосце «Петропавловск». После этого в связи со значительным ослаблением броненосных сил флота (из 7 броненосцев – 1 погиб и 3 получили повреждения и находились на ремонте) ее практически прекратили, что неизбежно должно было отрицательно сказаться на боевых качествах.

Японцы также как и русские на основании уроков боя 9 февраля пришли к выводу о необходимости разделения флота на отдельные отряды, их отдельных действий в бою и охвата концевых кораблей противника. В феврале – июле 1904 г. японский флот усиленно отрабатывал эти приемы. Кроме того, в марте – апреле японцы пытались применить тактику заманивания. Для этого к Порт-Артуру несколько раз высылались слабые отряды кораблей, которые пытались заманить русский флот подальше в море под удар главных сил. Однако эта тактика успеха не имела, поскольку русский флот, ослабленный ночной атакой 9 февраля, не рисковал удаляться от своей базы.

Вторым крупным морским боем между русским и японским флотами стал бой 10 августа 1904 г. в Желтом море, когда русская эскадра попыталась прорваться во Владивосток из осажденного японской армией Порт-Артура (где корабли находились под артиллерийским обстрелом).

В этом бою на тактику русского флота определяющее влияние оказал приказ главнокомандующего вооруженными силами на Дальнем Востоке адмирала Е.И. Алексеева о прорыве во Владивосток любой ценой. Поэтому тактика русских моряков была направлена не на удар по японскому флоту и нанесение ему максимальных потерь, а на то, чтобы наоборот избежать по возможности решительного боя и прорваться во Владивосток с наименьшими потерями. Это обстоятельство и обусловило в целом пассивное ведение боя. Тем не менее, командующий русской эскадрой контр-адмирал В.К. Витгефт сумел использовать ошибки японцев при маневрировании в первой фазе боя и фактически русской эскадре удалось прорваться мимо японского флота. Однако преимущество в скорости (18 узлов против 14,5) позволило последнему догнать русских и бой возобновился. Выбранная же русским командованием пассивная тактика ведения боя, а также неотработанность приемов по передаче командования в бою, в конце-концов привели к тому, что после гибели В.К. Витгефта эскадра распалась (часть кораблей, выполняя приказ, пришла в нейтральные порты и там была интернирована – 1 броненосец, 2 крейсера и 4 миноносца, а большая часть – 5 броненосцев, 1 крейсер и 3 миноносца вернулись в Порт-Артур).

Тактический замысел вице-адмирала Того в бою 10 августа сводился к тому, чтобы охватить голову русской эскадры, сосредоточенным огнем по флагманским кораблям вывести их из строя, лишить русскую эскадру управления и вынудить ее вернуться в Порт-Артур. Таким образом, задача уничтожения русского флота в артиллерийском бою уже не ставилась. Хотя японцам удалось предотвратить прорыв русской эскадры из Порт-Артура, бой вновь выявил целый ряд недостатков в тактической подготовке японских моряков:

маневрирование в целом осуществлялось неудачно и противнику удалось оставить японский флот позади; бой был сведен только к дуэли броненосных сил, в которой японцы не имели преимущества; не было использовано подавляющее превосходство японцев в легких силах (непосредственно в бою их не использовали); артиллерийская стрельба вновь велась децентрализованно, что затрудняло пристрелку и наводку; наконец, бой велся недостаточно решительно, так маневр охвата до конца осуществлен не был.

Тем не менее, бой 10 августа 1904 г. в Желтом море имел большое значение для дальнейшего развития тактики: он подчеркнул преимущества раздельного маневрирования отрядами; бой продемонстрировал важность преимущества в скорости хода (только оно позволило японцам догнать русских и возобновить бой); бой выявил возрастание роли крупнокалиберной артиллерии в связи с увеличением его дистанции (бой проходил на дистанции от 4,5 до 2 морских миль – 45–20 кабельтов); бой показал решающее значение организации управления флотом и необходимости надежных средств связи; бой выявил необходимость централизованного управления пристрелкой и стрельбой; и, наконец, бой показал, что в условиях активного маневрирования противника для успеха недостаточно одного артиллерийского огня броненосных сил, а требуется взаимодействие всех сил и средств флота.

Однако уроки из боя 10 августа смогли извлечь лишь японские моряки. Поскольку русская эскадра в Порт-Артуре после него активных действий уже не предпринимала, а моряки 2-й Тихоокеанской эскадры, которая в октябре 1904 г. начала свой знаменитый поход на Дальний Восток, в силу ряда причин (о них ниже) не использовали полученный опыт.

После капитуляции Порт-Артура 2 января 1905 г. и гибели большей части русского Тихоокеанского флота японский «Соединенный флот» начал подготовку к бою со 2-й Тихоокеанской эскадрой. При этом, по мнению автора, излишняя приверженность теории «Мэхэна-Коломба» не позволила в полной мере учесть полученный

опыт. Так, японское морское командование не поняло необходимости взаимодействия в бою всех сил флота. Поэтому подготовка японского флота к Цусимскому бою была сведена к подготовке к артиллерийской дуэли броненосных сил. И в этом японцы добились очевидного прогресса. Перед боем японский флот много маневрировал отрядами на большой скорости, отрабатывая выполнение маневра охвата. Управление стрельбой было централизовано: один корабль из отряда проводил пристрелку и указывал расстояние другим, а те вводили поправки, Артиллерийский огонь стал сосредоточенным: стрельба велась эскадренными залпами. Был проведен ремонт и замена вооружения на всех крупных боевых кораблях. В целом «Соединенному флоту» удалось хорошо подготовиться к новому артиллерийскому бою.

В апреле 1904 г. после гибели С.О. Макарова и ослабления Тихоокеанского флота русское правительство решило сформировать дополнительную эскадру из кораблей Балтийского флота и отправить ее на Дальний Восток на помощь действующему флоту. Она получила название 2-й Тихоокеанской эскадры. Состав эскадры не позволял рассчитывать на успех в случае единоборства с японским флотом⁵. Поэтому предполагалась координация ее действий с Тихоокеанским флотом. Командующим эскадрой назначили вице-адмирала З.П. Рожественского. Будучи приверженцем теории морского боя как артиллерийской дуэли броненосцев, он недооценивал опыт войны и не уделял должного внимания отработке совместных маневров различных отрядов эскадры. На уровне подготовки 2-й Тихоокеанской эскадры сказалось и то, что большая часть ее личного состава была укомплектована призванными из запаса, а также отсутствие резерва снарядов, не позволявшее проводить учебные стрельбы.

2-й Тихоокеанской эскадре предстояло пройти около 18 000 морских миль, не имея по пути ни одной собственной базы. Поэтому обеспечению похода придавалось

первостепенное значение. Эту сложную задачу удалось решить следующим образом: для обеспечения безопасности похода маршрут эскадры держали в секрете; было организовано бесперебойное снабжение эскадры углем и продовольствием; из специально оборудованных пароходов-мастерских создали плавучую ремонтную базу, на стоянках предпринимались усиленные меры охраны с учетом опыта Порт-Артура. По пути к эскадре присоединился отряд устаревших кораблей контр-адмирала Н.Н. Небогатова (1 броненосец, 3 броненосца береговой обороны и 1 крейсер), которым ее пытались усилить после гибели кораблей Порт-Артурской эскадры.

В мае 1905 г. 2-я Тихоокеанская эскадра прибыла на театр военных действий. Осуществление такого сложного похода само по себе представляло вклад в развитие военно-морского искусства.

27 мая 1905 г. состоялся Цусимский бой – последний крупный морской бой – Русско-японской войны.

Тактика, которую избрал в нем З.П. Рожественский, почти не учитывала предшествующий опыт войны и по существу обрекала на поражение русскую эскадру. План боя не разрабатывался и совещания флагманов и командиров по предстоящему бою не проводилось. Не были решены и не обговаривались вопросы передачи в случае необходимости командования в бою. Эскадра вела бой в одной колонне, где находились и новые быстроходные, и устаревшие корабли, на скорости 9 узлов.

И, напротив, Цусимский бой продемонстрировал возросшее тактическое мастерство японских моряков. В течение всего боя японцы систематически стремились охватить голову русской эскадры и сосредоточить огонь на головных кораблях. Они достаточно слаженно маневрировали на высокой скорости – 16 узлов. Умелые тактические действия командиров отрядов и новые приемы артиллерийской стрельбы эскадренными залпами и обеспечили японцам решительную победу в этом бою.

Цусимский бой 27 мая 1905 г. как бы подвел итог развитию тактики морского боя в ходе Русско-японской войны. Он показал большое преимущество тактики ма-

⁵ В состав эскадры входило 7 броненосцев, 1 броненосный крейсер и 7 легких крейсеров, причем часть из них (3 броненосца, броненосный крейсер и 2 легких крейсера) были устаревшими.

невра охвата перед тактикой боя на параллельных курсах. Бой продемонстрировал и преимущества раздельного маневрирования отрядами, что обеспечило японцам необходимую гибкость действий и управления и позволило успешно пресекать все попытки контрманевра русской эскадры. Бой еще раз показал важность высокой скорости. Именно скорость дала японцам возможность систематически выполнять маневр охвата. В ходе боя выявились и значительные выгоды новых методов организации стрельбы. Увеличение дистанции боя выявило снижение роли орудий среднего калибра. Наконец бой продемонстрировал необходимость организации взаимодействия всех сил флота и возросшее значение легких сил в бою (в артиллерийской дуэли японцам удалось уничтожить только 3 русских броненосца, еще 3 броненосца, броненосный крейсер и легкий крейсер были уничтожены торпедными атаками миноносцев).

Цусимский бой показал и необходимость организации непрерывной тактической разведки. Тактическая разведка вообще явилась важнейшей составной частью тактики морского боя и успеха в нем.

В принципе важность разведки хорошо понимали руководители всех флотов мира еще и до Русско-японской войны. Однако конкретной разработки этот аспект морского боя до войны не получил. Поэтому, начиная войну, и русские, и японцы имели о ней довольно смутное представление. Уже первый бой 9 февраля 1904 г. выявил важность тактической разведки. Так, начиная бой командующий «Соединенным флотом» вице-адмирал Того ничего не знал о результатах ночной атаки миноносцев на русские корабли и о положении русского флота. Еще меньше знали о противнике русские моряки. После этого боя обе стороны стали предпринимать меры по организации тактической разведки.

Русский Тихоокеанский флот в первый месяц войны осуществлял тактическую разведку эпизодически и в ограниченных масштабах. Отряды миноносцев периодически осматривали прибрежные бухты и иногда дежурили в них по ночам. Поиск противника не производился. Значительно

активизировалась тактическая разведка после прибытия в Порт-Артур С.О. Макарова. Под его руководством штаб флота разработал «Инструкцию для миноносцев», в которой были определены основные принципы организации и задачи тактической разведки. Инструкция требовала от разведки: обнаружения противника, определения его сил и намерений, нанесения ему ударов по мере возможности [6, с. 485]. В марте и апреле 1904 г. отряды миноносцев выходили на разведку днем и ночью, причем силы, выделяемые для этого, постоянно увеличивались. Если вначале разведка велась силами 1–2 миноносцев, то в начале апреля посылались отряды в 8–16 миноносцев при поддержке крейсеров [6, с. 486]. Однако после гибели командующего флотом активность русской разведки стала спадать и постепенно сошла на нет. Что касается организации разведки во 2-й Тихоокеанской эскадре, то на стоянках велась непрерывная разведка силами крейсеров и миноносцев на дальних подступах к ним, во время же похода она не велась. Поэтому перед Цусимским боем русские моряки ничего не знали о положении японского флота.

Японское морское командование в первые месяцы войны также вело разведку эпизодически. Поэтому, зачастую оно ничего не знало о действиях русского флота. Разведку, как и у русских, вели в основном отряды миноносцев при поддержке крейсеров. И также она носила активный характер. При встрече с русскими миноносцами японцы, как правило, вступали в бой (обе стороны потеряли в этих боях по несколько кораблей). С 28 апреля 1904 г. накануне десантной операции японских войск на Ляодунский полуостров японский флот установил непрерывную морскую блокаду Порт-Артура. Разведка была возложена на блокирующие суда и велась постоянно до конца осады. Во время разведки стала широко использоваться радиосвязь. Благодаря этому командование японского флота быстро узнавало о выходах из Порт-Артура русских кораблей, их действиях и т. п.

Дальнейшее совершенствование тактической разведки японского флота произошло на заключительном этапе войны. С января 1905 г. японцы организовали дозор-

ную службу силами легких крейсеров в Корейском, Сангарском и Лаперузовом проливах. С конца апреля эта служба была значительно усилена в Корейском проливе. Патрульные корабли были развернуты в 2 дозорные цепи: южнее пролива расположились 12 вспомогательных крейсеров, а в самом проливе 8 легких крейсеров [5, с. 31]. Практически весь пролив находился под наблюдением, что, конечно, не исключало возможность прорыва русских кораблей в ночное время или в условиях тумана. Одновременно отряды японских миноносцев вели разведку на подступах к Владивостоку, наблюдая за действиями отряда русских крейсеров. Хорошая организация разведки позволила не только обнаружить русскую эскадру, но получить точное представление о ее составе, курсе и перестроениях перед Цусимским боем. На следующий день после боя японские разведчики провели успешные поиски остатков русской эскадры.

В целом непосредственно в ходе Русско-японской войны искусство тактики морского боя получило значительное развитие. Тактика проделала сложную эволюцию от боя в общей колонне разнотипных кораблей к маневрированию отдельными отрядами и от линейного боя на параллельных курсах к применению маневра охвата. После войны раздельное маневрирование отрядами на большой скорости и выполнение маневра охвата было признано за образец тактики во всех ведущих флотах мира. Значительное развитие получила и организация артиллерийского огня. Если вначале войны каждый корабль практически произвольно выбирал себе цель и вел огонь беспорядочно, что сказывалось на его эффективности, то в Цусимском бою управление огнем японского флота было строго централизовано. Война подтвердила важную роль тактической разведки. Она становится постоянной. Непрерывное ведение разведки, широкое применение радиосвязи обеспечило японцам знание сил, намерений и маневров русского флота и позволяло заранее занимать выгодные для начала боя позиции. После войны этот опыт тщательно изучался во всех флотах мира.

Морские бои Русско-японской войны выявили и необходимость всестороннего взаимодействия разнородных сил флота для успешного ведения боя. Они показали, что одной артиллерийской дуэли броненосцев для победы недостаточно. Тем самым, была обнаружена ошибочность центрального положения теории «Мэхэна-Коломба» об артиллерийской дуэли как главном и единственном средстве морского боя. Не имела эта война и генерального сражения на море, решавшего общий исход войны.

Тем не менее, опыт Русско-японской войны на море и особенно Цусимского боя после войны был истолкован как подтверждение этой теории. При этом почему-то не учитывался тот очевидный факт, что русская эскадра вела бой пассивно, значительно уступала в скорости и почти не пыталась контрманеврировать (а ведь этих условий могло и не быть). Эта ошибка помешала флотоводцам мира сделать правильные выводы на будущее. Понадобился опыт I-й мировой войны (и в частности, Ютландского боя 1916 г., в котором обе стороны вели себя активно и не смогли, поэтому добиться нужного результата), чтобы исправить эту ошибку. Хотя и в последствии идея генерального морского сражения господствовала в военно-морской теории.

Развитие в ходе войны тактики действий легких сил и организации обороны с моря военно-морских баз

Невозможность решить задачи морской войны в решающем генеральном бою броненосных сил привела к непрерывному возрастанию значения легких сил военно-морского флота, которым ранее отводилась лишь вспомогательная роль. Русско-японская война продемонстрировала значительное расширение сферы деятельности легких сил воюющих флотов. В связи с этим в течение всей войны большое развитие получила тактика их действий, появились и совершенно новые, непредвиденные ранее формы и методы действий легких сил флота в морской войне.

Перед началом Русско-японской войны наиболее важными задачами легких сил флота помимо разведки считались: нанесение торпедных ударов по противнику и

проведение крейсерских операций на его коммуникациях. Однако в силу ряда обстоятельств именно эти направления деятельности легких сил получили наименьшее развитие в ходе войны.

Что касается торпедных ударов по противнику, то уже первые бои выявили малый радиус действия торпеды, невозможность для миноносца (достаточно крупного корабля) подойти к противнику на дистанцию атаки днем из-за его активного противодействия. Поэтому миноносцам во время войны пришлось действовать преимущественно ночью. Кроме того, на действиях русских моряков отрицательно сказались недостаток миноносцев (в Порт-Артуре их было 25) и особенно торпед.

Тем не менее, война все же способствовала некоторому развитию тактики торпедных ударов. Так, начиная войну, японцы для внезапной атаки русского флота на рейде Порт-Артура выделили всего 10 миноносцев, которые на подходе к нему растянулись и атаковали с большими перерывами. Поэтому удачной оказалась атака лишь первых 3-х миноносцев. Остальные атаки были отражены огнем обороняющихся (из 16 выпущенных торпед в цель попали 3) [6, с. 201]. Несмотря на очевидный успех (удалось повредить 3 крупных корабля) уже эта атака показала необходимость совершенствования тактики торпедных ударов. В последующем японцы пошли по пути массирования сил, доводя количество атакующих миноносцев до 30–40. Однако малый радиус торпеды не давал добиться результата. Например, в атаке русской эскадры 23 июня 1904 г. участвовало 30 миноносцев, выпустивших 38 торпед, из которых ни одна не попала в цель [7, с. 170]. Вечером после Цусимского боя русскую эскадру атаковали уже 42 миноносца, а в цель попало всего 6 торпед [5, с. 91]. Низкая эффективность торпедных атак миноносцев натолкнула воюющих на мысль об использовании в прибрежной зоне небольших минных катеров и нового тактического приема, когда большая часть атакующих отвлекала внимание противника, а 1–2 катера стремились незаметно торпедировать его с другой стороны. Минные катера и новый тактический прием доволь-

но успешно применяли и русские, и японские моряки. В частности, именно так японцам удалось повредить несколько русских миноносцев, а также броненосец «Севастополь» в декабре 1904 г. В последующем минные катера послужили прототипом для создания быстроходного торпедного катера, принятого на вооружение во всех флотах мира.

Достаточно ограниченный характер носили и крейсерские операции. Японский флот вообще не планировал и не осуществлял таких операций. Прежде всего, потому, что Россия не имела значительного морского сообщения на Дальнем Востоке. Наоборот, островное положение Японии, ее зависимость от морских перевозок открывали широкие возможности для крейсерства на ее коммуникациях и воздействия на ход войны. Однако русский флот не имел на Дальнем Востоке достаточного количества крейсеров для развертывания таких операций. Кроме того, обе русские военноморские базы на Тихом океане и Порт-Артур, и Владивосток находились в районах, из которых был затруднен выход на главные японские коммуникации. Не имело русское командование и заранее разработанного плана крейсерских операций. В результате из Порт-Артура крейсерство вообще не проводилось ввиду большого численного превосходства японских крейсеров в Желтом море. Владивостокский же отряд крейсеров (3 броненосных и 1 легкий крейсер) за время войны совершил всего 8 походов и потопил 14 неприятельских пароходов, а 3 парохода привел во Владивосток [4. С. 302].

Наиболее удачными из них являлись 2 похода. Первый – в июне 1904 г. в Корейский пролив, когда удалось потопить 2 японских транспорта с войсками и 18-ю 280-мм гаубицами для осады Порт-Артура, а также захватить английский пароход с контрабандным грузом. Второй – в июле того же года в Тихий океан через Сангарский пролив на параллель Токио, когда было потоплено 2 крупных парохода нейтральных стран с контрабандным грузом, еще 2 захвачено и отправлено во Владивосток и потоплено 6 небольших японских пароходов. Этот поход привел к временно-

му ограничению коммерческих перевозок в Японию и тем самым нанес серьезный ущерб ее экономике. В последующем, после гибели броненосного крейсера «Рюрик» в бою 14 августа 1904 г. отряд крейсеров прекратил свои операции.

Для усиления крейсерской войны русские моряки попытались использовать вспомогательные крейсера, переоборудованные из быстроходных коммерческих пароходов. Летом 1904 г. 2 таких крейсера начали операции в Красном море, а 4 – у Гибралтарского пролива. Однако из-за большой удаленности от театра военных действий, невозможности в силу этого установить, является ли груз военной контрабандой, а также из-за дипломатических осложнений их крейсерство эффекта не дало и было вскоре прекращено. Повторная попытка состоялась в мае 1905 г., когда 4 вспомогательных крейсера начали операции на японских коммуникациях в Тихом океане. Исход Цусимского боя быстро остановил их.

Тем не менее, несмотря на ограниченность крейсерских операций и малую их результативность, полученный опыт тщательно изучался и впоследствии был использован Германией во время I-й Мировой войны.

В ходе Русско-японской войны большие изменения произошли в тактике использования минного оружия. Перед войной во всех флотах мира предусматривалось использование мины лишь в оборонительных целях для защиты побережья и военно-морских баз от нападения противника. Причем, японский флот даже не имел специально оборудованных для этого кораблей. Больше внимания минной обороне уделяло русское морское командование, учитывавшее общее превосходство в силах японского флота. План минной обороны предусматривал заграждение многочисленных бухт Квантунского полуострова, внешнего рейда Порт-Артура, а также Амурского и Уссурийского заливов. Всего вначале войны русские моряки установили 1630 мин заграждения [7, с. 91, 355].

Однако вскоре после начала войны обе стороны перешли к активному использованию оборонительной мины в новом качест-

ве – в наступательных целях. В связи с этим стала совершенствоваться тактика минного дела.

Инициатива применения мины заграждения в наступательных целях принадлежит японцам. Активная боевая деятельность русского флота в марте – апреле 1904 г. вынудила японцев искать эффективные средства противодействия. Одним из них стала мина заграждения. Для этого японцы переоборудовали несколько пароходов в минные заградители. В начале апреля 1904 г. началась постановка мин. Первоначально их сбрасывали в 10 милях от Порт-Артура с расчетом, что приливное течение вынесет их к русской базе. Быстро убедившись в неэффективности этого метода, японцы изменили тактику постановки мин. Было решено начать минирование непосредственно внешнего рейда Порт-Артура. Им удалось установить, что русская эскадра довольно часто совершает один и тот же маневр (вытянутую восьмерку) в одном и том же месте. В ночь на 13 апреля японский минный заградитель «Кио-Мару» заминировал фланги восьмерки. В тот же день на этих минах погиб флагманский броненосец Тихоокеанского флота «Петропавловск» вместе с командующим и штабом флота и получил серьезные повреждения броненосец «Победа». Эта удачная операция серьезно ослабила русский флот и обеспечила его пассивность в течение 2-х месяцев.

После установления японцами морской блокады Порт-Артура постановки мин приобрели широкие масштабы. Всего с апреля по декабрь 1904 г. японские моряки поставили в этом районе 1300 мин [2, с. 72]. Им удалось создать перед русской базой зону минной опасности радиусом 5–6 миль. Несколько крупных русских кораблей получили от японских мин значительные повреждения (броненосец «Севастополь» – июнь и август, броненосный крейсер «Баян» – август). С августа в минных постановках стали принимать участие миноносцы.

В 1905 г. японцы повторили этот прием под Владивостоком, где в апреле они поставили 715 мин [5, с. 13]. На этих минах накануне Цусимского боя получил тяжелые

повреждения броненосный крейсер «Громобой» и в результате Владивостокский отряд крейсеров не смог оказать содействия 2-й Тихоокеанской эскадре.

В русском флоте инициатива использования мины в наступательных целях принадлежит командиру минного заградителя «Амур» капитану 2-го ранга Н.Ф. Иванову. Он установил, что японский флот также совершает один и тот же маневр неподалеку от Порт-Артура. 14 мая 1904 г. «Амур» поставил 50 мин в 11 милях от порта. На следующий день на этих минах погибло 2 японских броненосца («Яшима и «Хацусе») и уже японский флот был значительно ослаблен. После этого «Амур» еще несколько раз ставил минные банки по 20–50 мин.

Авария единственного минного заградителя натолкнула русских моряков на мысль о постановке мин с миноносцев. В начале июля 1904 г. они установили на 2-х миноносцах приспособления, позволявшие брать по 2 мины. Однако их малая эффективность заставила продолжить поиски. Вскоре решение было найдено. На миноносце «Решительный» смонтировали железнодорожные рельсы, позволявшие брать 12 мин. 4 августа с него впервые было поставлено минное заграждение в 11 милях от Порт-Артура [7, с. 304]. Таким образом, удалось резко расширить диапазон деятельности миноносцев. Их стали использовать не только для торпедных атак, но и для минных постановок.

После морского боя 10 августа 1904 г. в Желтом море рельсы для постановки мин установили еще на 3 миноносца. Они провели 7 походов и поставили 112 мин [1, с. 62]. Масштаб минных постановок мог быть значительно больше, но в Порт-Артуре закончился запас мин и приходилось использовать вытраленные японские мины. Всего русские моряки поставили под Порт-Артуром 1077 мин, но которых погибло 12 японских кораблей [8, с. 263] и еще несколько получили повреждения.

В целом в ходе Русско-японской войны тактика использования минного оружия получила большое развитие. Это было обусловлено условиями борьбы (прибрежная зона), дешевизной и простотой изготовления мины и высокой эффективностью этого

оружия. В ходе войны появились принципиально новые приемы и средства ведения минной войны. Эта сфера военно-морского искусства сделала значительный шаг вперед.

Широкое использование минного оружия вызвало необходимость борьбы с ним. Вообще организация траления мин предусматривалась и русским, и японским флотом еще до войны. Предполагалось, что этим будут заниматься небольшие катера и шлюпки. В качестве трала использовался простой металлический трос, который натягивался между двумя судами. Именно такой тип трала и использовал русский флот для траления Порт-Артурского рейда. Само траление проводилось эпизодически. Гибель на японских минах броненосца «Петропавловск» и повреждение броненосца «Победа» вынудили русских моряков начать работу по совершенствованию системы и тактики траления. В результате возникло новое постоянное военно-морское соединение – тральный караван, который непрерывно усиливался. Летом 1904 г. он состоял из 7 паровых шаланд, 6 катеров, 2 мелкосидящих пароходов и 4 миноносцев [7, с. 223]. Для его прикрытия выделялись отряды канонерских лодок и миноносцев. Караван работал ежедневно, за исключением плохой погоды. Непрерывно совершенствовался и сам тип трала (его все время дополняли крючками и якорями).⁶ В целях повышения эффективности караван стал тралить не весь рейд, а определенный фарватер, затем в целях маскировки 2 и позже 3 фарватера. Для этого же с июня стали выдавать денежные премии: по 25 рублей на экипаж за каждую вытраленную мину, а офицеры каравана представлялись к наградам. Всего с апреля по декабрь 1904 г. у Порт-Артура русские моряки вытралили около 1000 японских мин [3, с. 950].

Организация трального каравана и систематическое траление обеспечили русскому флоту возможность действовать за пределами базы почти до конца блокады Порт-Артура. О высокой технике траления и мастерстве моряков говорит тот факт, что

⁶ Аналогично было организовано траление и во Владивостоке, где использовали опыт Порт-Артура.

после начала работы трального каравана на японских минах подорвалось только 2 крупных русских корабля (дважды – броненосец «Севастополь» и броненосный крейсер «Баян») и только потому, что они вышли за границы протральной зоны. Непосредственно же при тралении было потеряно лишь две шаланды.

Японский флот также организовал траление мин при проведении десантных операций и по мере продвижения японских войск к Порт-Артуру. Однако организация траления не достигла такого высокого уровня как в русском флоте. Траление велось медленно, тип траля был менее совершенен и неоднократно японские корабли подрывались на уже протральных участках.

В целом в ходе войны организация и тактика траления достигли очень высокого уровня и сделали настоящий скачок вперед. Траление оформилось в самостоятельный вид боевой деятельности.

Во время войны японскому флоту пришлось решать важную и сложную задачу блокады русского флота в Порт-Артуре. Неопределенный исход боя 9 февраля 1904 г. поставил перед японским флотом проблему безопасности десантных операций в Корее и на Ляодунском полуострове. Для ее решения японцы попытались заблокировать русский флот в Порт-Артуре. Первоначально они стремились затопить свои пароходы-брандеры в узком и неглубоком проливе между внешним и внутренним рейдами и закупорить выход русскому флоту, затем стали применять минные заграждения. С конца апреля началась непосредственная блокада Порт-Артура японским флотом. Вначале блокирующие действия осуществляли броненосные силы флота. Но гибель 2-х броненосцев на русских минах заставила организовать блокаду по-новому. Ведение блокады было возложено на легкие силы. Японцы организовали специальное блокадное соединение, которое состояло из отряда блокадного дозора (миноносцы) и отряда поддержки (легкие крейсера). Блокада осуществлялась на расстоянии 10–20 миль. Для броненосных сил флота была устроена временная база у островов Эллиот в 40 милях от Порт-Артура,

откуда эти силы в случае необходимости выдвигались по вызову блокадного соединения.

Непрерывная блокада потребовала от японского флота напряжения всех сил и стоила ему крупных потерь. В ходе войны тактика блокады проделала существенную эволюцию. Если вначале блокада осуществлялась также, как и во времена парусного флота, то в дальнейшем появились новые приемы ведения блокады. Активное использование минного и торпедного оружия превратило ее из простого наблюдения за объектом, как это было в эпоху парусного флота, в напряженную двустороннюю борьбу.

Война поставила вопрос и об охране и обороне с моря военно-морских баз. При этом наибольший опыт в его решении получили русские моряки. Поскольку волей обстоятельств именно вокруг главной базы русского Тихоокеанского флота и развернулись главные события морской войны.

Охрана Порт-Артура с моря стала усиливаться с первого дня войны. В первые недели на внешнем рейде круглосуточно дежурил отряд канонерских лодок, а на ночь в дозор за 15–20 миль высылали 2 миноносца [6, с. 371]. Попытки японских пароходов-брандеров в ночь на 24 февраля и на 27 марта 1904 г. закупорить русский флот показали недостаточность принятых мер (один артиллерийский огонь для защиты рейда оказался неэффективным, взаимодействие между кораблями и береговой артиллерией отсутствовало, не был обеспечен полный обзор рейда в ночное время). Поэтому штаб Тихоокеанского флота под руководством С.О. Макарова разработал специальную «Инструкцию по обороне рейда» [6, с. 512], которая учитывала накопленный опыт и действовала до конца обороны Порт-Артура, а также во время похода 2-й Тихоокеанской эскадры.

В соответствии с этой инструкцией и была создана единая система обороны военно-морской базы с моря из позиционных и маневренных сил. Днем рейд патрулировался миноносцами. На ночь на него выходили минные катера и располагались так, чтобы простреливать торпедами все подступы к проходу на внутренний рейд. Их